

Всё произошло слишком внезапно. Ши Чжоу застыл на месте, ошеломлённый, застыв в прежней позе, не шевелясь ни на миллиметр.

Он уставился на рассыпанное по полу лекарство и вдруг осознал: он всё это время ошибался. Причина, по которой Цинь Яньчэн умер так внезапно, причина, по которой его сгубила болезнь, не являвшаяся по сути смертельно опасной, — была не в судьбе. Он просто... больше не хотел жить.

Та странная, загадочная фраза, которую Цинь Яньчэн как-то обронил: «Хорошие советы не спасают обречённых, а великая жалость не спасает тех, кто разрушает себя сам», — теперь, задним числом, ясно касалась самого себя.

Даже сидя у дверей реанимации, Ши Чжоу всё ещё пребывал в оцепенении, с пустой головой. И тогда, из глубин памяти, всплыла пугающая картина — будто невидимая рука сжала его сердце, и страх прижал к земле так, что стало невозможно дышать.

Он до сих пор ощущал, как холодны были пальцы Цинь Яньчэна, когда обхватывали его запястье, — слабая, тщетная попытка удержаться, в которой не осталось ни капли силы.

Когда тот потерял сознание, он обмяк у Ши Чжоу на руках, весь ледяной — настолько, что тому приходилось вновь и вновь дрожащими руками проверять, дышит ли он ещё.

Когда приехала скорая, ладонь Ши Чжоу всё ещё лежала у него на груди, нащупывая слабое биение сердца.

Сколько он ни пытался найти объяснение, всё равно не мог понять — зачем Цинь Яньчэн выбросил лекарство.

Этот поступок был слишком похож на попытку самоубийства. Но Ши Чжоу не верил, что тот мог вдруг решить уйти из жизни.

Во всяком случае, в повседневной жизни Цинь Яньчэн никогда не проявлял склонностей к суициду. Да, он уклонялся от разговоров о здоровье, обращался с телом безответственно — но в остальном... был вполне обычным. Даже жил с каким-то подобием серьёзности.

Ши Чжоу часто в шутку называл его «психом», но это было всего лишь поддразнивание. В глубине души он считал Цинь Яньчэна просто человеком с тяжёлым характером, замкнутым и холодным — ему и в голову не приходило, что за этим могли скрываться настоящие медицинские проблемы.

А значит — в оригинальном сценарии Цинь Яньчэн не умер случайно от приступа астмы. Точнее, он действительно умер от астмы, но это не было несчастным случаем.

В изначальном мире, где не было Ши Чжоу как переменной, Цинь Яньчэн, почувствовав приближение приступа, молча отказался спасать себя. Он спокойно шагнул в смерть, в окружении удушающей боли.

Из дверей выскочила женщина-врач:

— Родственник? Вы родственник пациента?

Ши Чжоу покачал головой. Потом кивнул.

— Так вы кто? Вы можете подписать?

— Я родственник. Я... его брат. Могу подписать.

Ши Чжоу поставил подпись под уведомлением о критическом состоянии. Рядом врач сказала:

— Приготовьтесь морально. У пациента — острый приступ стенокардии и злокачественная аритмия. Возможно остановка сердца.

В голове у Ши Чжоу всё ещё стоял туман. Врач говорила ещё много чего, но он уловил только одно: остановка сердца.

Проще говоря — он может умереть. Цинь Яньчэн действительно может умереть.

Ши Чжоу рухнул обратно на стул и обеими руками сильно тёр лицо. У тела, в котором он теперь жил, были слишком чувствительные слёзные железы — ладони быстро стали влажными и горячими, слёзы катились, не останавливаясь.

Он же знал, что так будет. Он же готовился к этому, разве не так?

Он боялся смерти. Боялся внезапных болезней. Но больше всего — он боялся этого самого ощущения: сидеть в бессилии у двери реанимации или скорой помощи.

Он всё ещё помнил, как в последний раз сидел вот так же, на похожем стуле. Не знал, сколько тогда прошло времени — только то, что страх и тревога разрывали каждую секунду, превращая её в вечность.

Потом из двери вышел врач, медленно поправил очки — и сказал всего два слова: «Сожалею».

Они ударили, как гром. Разнесли всё его внутреннее пространство на куски. Тогда он окончательно сломался — взвыл, сорвавшись в истерику, в бурю неконтролируемой ярости.

Если бы не друзья, которые удержали его, он бы, возможно, бросился на врача и сбил его с ног прямо в коридоре.

Он не был законченной истеричкой. Потом, когда пришёл в себя, понял, насколько безумной и несправедливой была эта вспышка.

Но в тот момент логика не имела значения. Врач, который произнёс слова о смерти его брата, в его глазах слился с образом самой Смерти. Ши Чжоу не мог этого принять. Не хотел.

Ши Ли тогда было двадцать семь — столько же, сколько сейчас Цинь Яньчэну. Такой молодой. Такой внезапный уход.

И вот сейчас, за одну ночь, Ши Чжоу подписал уже два уведомления о критическом состоянии.

Он бросил взгляд в окно — небо на востоке начинало светлеть. Розово-золотой рассвет разгорался в облаках.

Вдруг зазвонил телефон. Звонил его временный агент Ли Чэн:

— Ши Чжоу, ты ведь живёшь в «Весеннем городе Четырёх времён года»? Я могу вызвать для тебя машину до аэропорта.

Ши Чжоу не успел ответить — в этот момент распахнулась дверь приёмного отделения.

Сердце сжалось. Ладони вспотели. Пульс гудел в висках. Он до ужаса боялся снова услышать эти два слова.

— Вы родственник пациента?

Ши Чжоу вскочил:

— Как он?!

На другом конце Ли Чэн всё ещё слушал с озадаченным видом.

Осознав, что вызов не завершён, Ши Чжоу торопливо пробормотал:

— Цинь Яньчэн заболел. Я не лечу. Хочешь — замени меня, штраф я оплачу, — и тут же сбросил звонок.

Только когда врач сказал:

— Жизни ничего не угрожает. Проведём ещё несколько часов под наблюдением, потом переведём в общую палату, —

Ши Чжоу наконец выдохнул, будто с груди упал камень весом в тысячу килограммов.

Он рухнул обратно на стул, охваченный дрожащим облегчением.

Три года назад он был в ступоре и ничего не понимал, пока окружающие оформляли бумаги за него.

А теперь — мог спокойно держать себя в руках, оплачивать счета, звонить Бай Жаню, чтобы тот помог связаться с семьёй Цинь Яньчэна.

Он кратко описал ситуацию.

Бай Жань ахнул:

— Что?! Всё настолько серьёзно? Но... мы не можем связаться с семьёй президента Циня...

— Родителей больше нет?

— Возможно, мама ещё жива... но я её никогда не видел... Точно не знаю. Просто...

Ши Чжоу почувствовал, что тот что-то утаивает.

— Никто больше об этом не узнает. Даже Цинь Яньчэн.

...Хорошо. Просто... у президента Циня с матерью сложные отношения. Она, возможно... не совсем в порядке...

— Что?

Неужели безумие Цинь Яньчэна — по наследству от матери?

Хотя, может, и нет. С другой стороны, Ши Чжоу вспомнил фразу:

«Кто-то всю жизнь исцеляется благодаря детству, а кто-то — исцеляется от него».

Что же произошло в прошлом, что сделало Цинь Яньчэна таким, каким он стал сейчас?..

После столь долгого напряжения Ши Чжоу наконец смог выдохнуть, когда Цинь Яньчэна перевели из реанимации. Он протянул руку, чтобы разгладить морщинку между его бровей — даже во сне тот хмурился. Убедившись, что дыхание и сердцебиение в норме, Ши Чжоу зевнул и, устроившись на диване у больничной койки, заснул.

Спал он недолго — вскоре снова позвонил Ли Чэн.

— Ши Чжоу, съёмки начинаются только завтра после обеда. Сегодня — всего лишь промо. Если не придёшь, ничего страшного.

Ши Чжоу, сонный и раздражённый, дал волю своему юнцзюньскому нраву:

— Я же сказал, что не поеду! Разве что ты сделаешь себе пластическую операцию и пойдёшь вместо меня!

Конечно, он хотел участвовать в шоу — деньги, экранное время, популярность. Но Цинь Яньчэн едва не умер. Ни одного родственника рядом. Как он мог уехать, пока тот всё ещё в бессознательном состоянии?

Ли Чэн понятия не имел, что происходит. Он просто подумал: Ши Чжоу совсем отбился от рук. Отказаться от такой золотой возможности? Совсем, видно, зазвездился под крылышком Цинь Яньчэна.

Теперь, когда киностудия «Цзиньшуй» начала работу, а сам Цинь Яньчэн всерьёз взялся за шоу-бизнес, вряд ли кто-то вообще посмеет конкурировать с ними.

Проснувшись окончательно, Ши Чжоу спустился вниз, перекусил, забрал лекарства и оформил оставшиеся бумаги.

Когда он вернулся в палату, Цинь Яньчэн уже был в сознании. Он успел снять кислородную маску и теперь пытался выдернуть иглу из вены.

— Эй-эй-эй! — Ши Чжоу бросился к нему, прижал обратно к подушке, засунул неугомонную руку под одеяло. — Ты что творишь? Капельница ещё не закончилась! Как самочувствие? Ничего не болит?

Голос у Цинь Яньчэна был хриплым, почти срывающимся в шёпот, но твёрдым:

— ...Хочу выписаться.

Ши Чжоу остолбенел.

— Что?

Он даже подумал, не с ушами ли у него что-то не так.

— Я. Хочу. Уйти. — Цинь Яньчэн чётко выговаривал каждое слово. Его красивые, чёткие черты были омрачены, лицо, белое как бумага, дышало враждебностью.

Отлично. Со слухом всё в порядке. Вот только с головой у Цинь Яньчэна явно что-то не так.

— Цинь Яньчэн, я подписал две бумаги о критическом состоянии за одну ночь! Ты чуть не сдох, чёрт тебя побери! — Ши Чжоу не смог скрыть злость, но голос держал сдержанным, боясь навредить сердцу пациента.

Цинь Яньчэн и не думал отступать — вёл себя так, будто ещё минута в больнице, и его похитят инопланетяне. Он снова попытался подняться, но Ши Чжоу удержал его — то уговорами, то лёгкими угрозами.

Что за чёрт... Будто подменили человека.

В конце концов, сил бороться не хватило. Цинь Яньчэн лежал неподвижно, в молчаливом оцепенении, уставившись в потолок.

Ши Чжоу смотрел на его бледное, болезненное лицо, на опущенные густые ресницы, лёгкие, словно перья. Даже в этой угрюмой отрешённости он был слишком красив... Ругать его больше не получалось — сердце невольно смягчилось.

— Господин Цинь? Проголодался? Хочешь кашки? Я принесу.

Но, сказав это, Ши Чжоу тут же пожалел. А вдруг Цинь Яньчэн сбежит, стоит ему выйти из палаты?

— Хотя... Ладно, мне лень спускаться. Закажу доставку.

Ответа не последовало. Плохое настроение Цинь Яньчэна было видно невооружённым глазом. Ши Чжоу редко видел его настолько открыто эмоциональным.

Вдруг краем глаза он заметил — пальцы того дрожат. Мелко, почти незаметно, но не останавливаются.

Он уже собирался спросить, что случилось, как в палату постучали — вошёл врач.

— Пациент очнулся? Как себя чувствуете? Нужно взять кровь на анализ...

Не успел он договорить, как Цинь Яньчэн резко затрясся всем телом — а потом вцепился в край кровати и начал судорожно блевать.

<http://bllate.org/book/12639/1121016>